

Однако он был человеком, прошедшим через трудности, и потому мог терпеть, не жалуясь ни на что. Размышляя, он понимал, что особых страданий и не было. К счастью, его тело было крепким, и переменчивая погода не смогла сломить его, хотя доспехи доставляли немалый дискомфорт, и он уже переоделся в обычную одежду.

Через четыре дня, после того как вечером он перекусил сухими лепёшками, он решил остановиться здесь на ночлег. Он смутно ощущал запах пота и дождя, смешавшихся на его коже, но не придавал этому значения. Это ещё было терпимо. Накануне, когда он укладывался спать, он не мог понять, чья это была нога, но запах распространился на целых десять шагов вокруг. И даже это он пережил.

Он смотрел на звёзды на небе, беспокоясь об Эрляне. В ту ночь он зажёл в его комнате ароматические палочки, которые обычно помогали ему спокойно спать до полудня. Эта привычка у него была с десятилетней давности, и если он не мог уснуть, то всегда зажигал эти палочки. Но, вспоминая, как Эрлян выглядел потерянным, когда проснулся, он чувствовал горечь в сердце.

Хотя он оставил ему банкноту в двадцать лянов, которую с трудом выпросил у того распутного чжуаньюаня. Эрлян был экономным, и этой суммы должно было хватить на год.

Командиром его войска был Лю Шунь, чьё прозвище было Гаоци. Он был невысоким и коренастым, и, кстати, у него была интересная история. Его дядя был главой Колесничного войска Лю Цзышэнь, известный как Лю Большой Меч. Говорили, что он мог с лёгкостью вращать большой меч из кованого железа весом в сто двадцать цзиней — настоящая природная сила! Лю Большой Меч был человеком решительным, всегда действовал без колебаний. Его войско состояло в основном из людей из Сычуани и представляло собой смешанный отряд. Благодаря этой армии и своей бесстрашной храбрости он одержал множество побед, хотя ходили слухи, что он был чрезмерно алчным...

А вот его племянник, Лю Шунь, не унаследовал ни капли этой храбрости, зато в жадности превзошёл своего дядю. В походе он требовал для себя лучшего: лучшую еду, лучшие вещи, даже чистые носки и платки, которые носили его подчинённые, он забирал себе. Ничего не упускал! Если бы не то, что он был по званию ниже, сам Фан Шу тоже мог бы стать жертвой его мародёрства.

Он уже ругал его, но что толку? Подчинённые только и делали, что заискивали перед ним. Теперь у него не было оснований что-то говорить, иначе это выглядело бы как вмешательство в чужие дела, что только вызвало бы раздражение.

Лю Шунь подошёл к Фан Шу и, запинаясь, сказал:

— Господин Фан... Господин Хо хочет поговорить с вами.

— Со мной? — Фан Шу был удивлён.

В последние дни они почти не общались, разве что Вэнь Сюаньцин иногда заговаривал с ним.

Фан Шу вошёл в шатёр. Это был единственный шатёр, разбитый в лагере. Обычно летом было жарко, и вечерняя прохлада была как раз кстати, а в шатре спать было душно. Этот шатёр использовался для обсуждения важных вопросов.

Фан Шу, стоя у входа, стряхнул пыль с одежды. Его зелёный халат уже потерял свой первоначальный цвет, но, к счастью, заплатки на подоле были почти незаметны. Он глубоко вздохнул и, откинув полог, вошёл внутрь.

Его облегчило то, что внутри были Вэнь Сюаньцин и ещё двое из Стражи в парчовых одеждах — два тысячника.

Лю Шунь последовал за Фан Шу.

— Я слышал, господин Хо, вы хотели меня видеть?

Хо Тайлин посмотрел на него с безразличием.

— В принципе, не стоило бы беспокоить господина Фана, но господин Лю сказал, что не может решить сам, так что пришлось обратиться к вам.

Фан Шу повернулся к Лю Шуню, который стоял с опущенной головой, и с улыбкой спросил:

— И что же это за дело, которое господин Лю не может решить?!

Вэнь Сюаньцин выглядел озабоченным, взглянув на Фан Шу, он тяжело вздохнул. Фан Шу почувствовал тревогу. Оба тысячника также опустили глаза.

Хо Тайлин был серьёзен, его густые брови придавали ему суровости.

— За последние два дня скорость нашего марша значительно замедлилась из-за нескольких заболевших солдат. Так дело не пойдёт!

— Что вы предлагаете, господин Хо?

— Оставить их.

— Но ведь у нас есть военные врачи?

Хо Тайлин презрительно фыркнул.

— Тех, кого можно вылечить, уже лечат, чтобы они не замедляли марш. Остальные заболели

из-за простуды, которая спровоцировала другие болезни. Лечить их — значит тратить лишние силы на их сопровождение!

— Ну что ж, оставим их здесь... — Зачем вести с собой лишних людей, которые всё равно умрут.

— Оставить — значит убить!

Фан Шу не поверил своим ушам. Он взглянул на Вэнь Сюаньцина, но тот не решался встретиться с ним взглядом.

— Почему?!

Хо Тайлину уже надоело объяснять.

— Я же говорил, что не стоило его звать! Всё это пустая болтовня! Что тут обсуждать?

Фан Шу, не получив ответа, снова спросил:

— Почему? Почему их нужно убивать?

— Если мы просто отпустим их, другие солдаты, которые боятся сражений, тоже захотят уйти, просто симулируя болезни. Какой тогда смысл в воинской дисциплине?

Фан Шу смотрел на него, уже без той улыбки, которая так раздражала Хо Тайлина, но это только усиливало его досаду.

Он не хотел продолжать разговор, но всё же смягчил тон.

— В этом мире всегда побеждает сильнейший! Пожертвовать малым ради большого — надеюсь, господин Фан, в книгах, которые вы читали, это упоминалось!

Жестокость войны лишь слегка показала свои когти перед этим учёным. Фан Шу молчал. Вечером он навещал пятерых молодых солдат. Двое были из Лагеря Шэньцзи, трое — из его отряда. Все они были молоды, около восемнадцати лет, в том возрасте, когда хочется играть и веселиться. Они были худыми и слабыми, недостаточно закалёнными, и суровые условия взяли своё.

Он помнил одного белокожего парня, который так ослаб, что едва мог стоять. Когда Фан Шу подошёл, чтобы позаботиться о нём, тот, взволнованный, сначала с трудом выкрикнул:

— Господин Фан...

— а потом просто сказал:

— Красивый брат...

Фан Шу даже немного разозлился, услышав такое обращение, но затем парень добавил, что скучает по супу с рисовыми шариками, который готовила его мама... И весь гнев в сердце Фан Шу мгновенно растаял, оставив только нежность.

Хо Тайлин, видя, как Фан Шу смотрит на него, заметил в его глазах привычную боль. Он боялся, что этот слабый учёный вдруг расплачется. Он уже собирался выйти из шатра, но Фан Шу кивнул ему.

— Господин Хо, вы предусмотрительны...

Он не помнил, как вышел из шатра. Вэнь Сюаньцин шёл за ним. Фан Шу обернулся и сказал:

— Я хотел приготовить рисовые шарики для тех ребят, но, кажется, не умею... Ладно...

— Брат Фан, не вини старшего брата... — Вэнь Сюаньцин действительно боялся, что их разногласия будут только углубляться.

Он не знал, что сказать. Учитель часто говорил, что в делах, требующих решительности и жестокости, он уступает старшему брату — не так решителен, не так быстр. Но, произнося это, учитель только качал головой и вздыхал, всегда заканчивая фразой:

— Где же корень проблемы?

Фан Шу не мог улыбнуться. Он не стал отвечать на его слова, а просто сказал:

— Ты тоже отдохни, мы уже близко к границе...

Вэнь Сюаньцин, видя его состояние, понимал, что он сердит. Он схватил Фан Шу за руку, заставляя его посмотреть на себя.

— На самом деле... старший брат в детстве был хорошим человеком — добрым, заботливым, мягким...

— Почему ты вдруг заговорил об этом? — Фан Шу высвободил руку, но любопытство уже было возбуждено.

Он старался выглядеть равнодушным, не решаясь смотреть Вэнь Сюаньцину в глаза, боясь, что его мысли выдадут себя.

Вэнь Сюаньцин был серьёзен, он вздохнул.

— В детстве он тяжело заболел, и после этого многие вещи забыл, а характер стал странным. Учитель видел это и беспокоился...

Рука Фан Шу, спрятанная за спиной, непроизвольно сжалась. Он медленно произнёс:

— И зачем ты мне это рассказываешь?

— Вэнь Сюаньцин! — Хо Тайлин, наблюдая за их разговором, уже раздражённый до предела, словно подлил масла в огонь.

Вэнь Сюаньцин поднял на него взгляд.

— Старший брат...

В руке Хо Тайлина был меч, с которого капала кровь.

Это пронзило глаза Фан Шу. Он простил себя за то, что не был таким сильным, как казалось, и сейчас не мог выдавить ни одной улыбки.

Хо Тайлин подошёл и поднял подбородок Фан Шу. Тот невольно обнажил два белых передних зуба. Они внезапно оказались слишком близко, и тяжёлое дыхание Хо Тайлина коснулось его лица. Фан Шу мог видеть своё отражение в его зрачках. Он быстро отступил на два шага, избегая его прикосновения.

Вэнь Сюаньцин раскинул руки, встав между Хо Тайлином и Фан Шу.

— Старший брат, что ты делаешь?

Хо Тайлин вытер пальцы, которыми только что касался подбородка Фан Шу, об одежду Вэнь Сюаньцина, словно на них была слизь.

<http://bllate.org/book/15514/1377997>